

То, что происходило перед глазами Чжоу Сяошу, заставило его захотеть выколоть себе глаза и немедленно лечь спать, чтобы забыть всё увиденное.

Так что же он увидел?

На самом деле, ничего особенного. Просто Сунь Пин и Сунь Кан с льстивыми улыбками крутились вокруг Чжоу Сяошу и У Гана, называя их «старшими братьями», отчего лицо Сяошу покраснело. Украдкой взглянув на У Гана, он увидел, что тот сохранял каменное выражение лица, и вдруг почувствовал, что всё это слишком нереально.

Эй, это ведь вы днём вели себя так высокомерно в велопарковке, да? Что случилось?

Стараясь сохранять спокойствие, Чжоу Сяошу всё больше понимал, насколько У Ган удивительный человек. Он даже не мог представить, как тому удалось...

— Ой, мы и не знали, что этот велосипед принадлежит вашему другу, старший брат У. Если бы знали, никогда бы так не вели себя. — Сунь Пин говорил, потирая руки, словно скупой рыцарь, увидевший золото.

— Вы... Почему... — Чжоу Сяошу подбирал слова, но не знал, что сказать.

— После того как мы сразились с У Ганом, я узнал, что он — брат нашего босса. Как мы могли его обидеть? Мы тут же извинились и признали его своим старшим братом. — Сунь Пин говорил с улыбкой.

— Но... ты же... намного старше нас...

— Какая разница? Старшинство определяется не возрастом, а кулаками. У Ган силён, поэтому он мой старший брат. — Выражение восхищения на лице Сунь Кана ослепило Чжоу Сяошу. Он даже потерял глаза, не веря происходящему. Его мировоззрение было разрушено вдребезги, и он с удивлением осознавал, что принимает эту ситуацию, словно она естественна, и даже начинает к ней привыкать.

С ума сойти. Я сошёл с ума.

— А вы не боитесь, что он вас обманывает?

— Как он может? Мы давно слышали от босса, что у него есть младший брат, и всё, что сказал У Ган, совпадает. Как это может быть ложью? — Глаза Сунь Пина сверкали, словно звёзды, и Чжоу Сяошу почувствовал, что У Ган для него — словно божество. Он даже вздрогнул.

С ума сойти. Все сошли с ума.

Посмотрев на часы, Чжоу Сяошу решил, что пора домой, и встал, чтобы собрать вещи.

— Старший брат Чжоу, мы проводим вас. — Сунь Пин подбежал к нему.

— Нет-нет-нет, не надо. Я сам дойду, мама меня встретит. — Чжоу Сяошу замахал руками. Он чувствовал, что не может общаться с такими людьми, и даже подсознательно хотел отдалиться от У Гана.

Однако, не успев спуститься, он услышал, как У Ган догнал его и положил руку на плечо:

— Приходи ко мне в выходные. Когда я убирал книги на полке, я кое-что спрятал. Давай вместе

поищем.

— Это... неудобно.

— Приходи.

Слова У Гана заставили зрачки Чжоу Сяошу сузиться, и он нерешительно кивнул. Увидев пронзительный взгляд У Гана, он не смог ничего возразить и просто согласился.

Однако У Ган был уверен, что его взгляд был полон ожидания и мягкости.

Откуда у него такая уверенность?

До выходных оставалось несколько дней, и Чжоу Сяошу чувствовал себя всё более растерянным. Он не знал, что делать, разрываясь между мыслями о том, что не стоит идти и нужно дистанцироваться от У Гана, и воспоминаниями о том, как тот всегда был добр и делал неожиданные вещи. Чем больше он думал, тем больше понимал, что его мысли постоянно заняты У Ганом.

Чжоу Сяошу даже почувствовал, что его отношение к У Гану стало немного другим, выходящим за рамки обычной дружбы. Когда он встречал Гу Мэнмэн, такого не было. Он не мог понять, что с ним происходит, и от этого становилось только хуже, его беспокойство росло.

Тем временем внутренний мир У Гана был полон активности, хотя внешне он оставался спокойным.

«Ааааа, наконец-то я договорился с Сяошу. Я думал, это будет сложнее. Эй, а почему Сяошу выглядит таким грустным? Это из-за меня? Что мне делать? Сяошу, скажи, если я что-то сделал не так. Может, это из-за истории с Сунь Пином? Я просто хотел похвастаться, но, может, это его напугало. Ох, что делать, может, объяснить? Но вдруг он расстроен не из-за этого? Тогда я только всё испорчу. А я ведь не сказал, когда и где мы встретимся? Может, спросить у него адрес? Это будет слишком навязчиво? Нет, я же парень, зачем мне быть таким скромным? Просто спрошу. Или сначала скажу свой адрес, а потом естественно спрошу его. Тогда я смогу встретить его у дома и поехать вместе на велосипеде... Стоп, у Сяошу горный велосипед, как он сможет меня подвезти? Сидеть на раме, как говорила Гу Мэнмэн? Кстати, о Гу Мэнмэн, эта девчонка как будто ко мне что-то имеет, всегда смотрит с неприязнью. Что я такого сделал? Я же хороший. Нет, не время думать о Гу Мэнмэн. Сидеть на раме у Сяошу — неплохая идея, но это будет выглядеть, как будто я сам напрашиваюсь. Если мои друзья увидят, это будет неловко. Но что важнее — моя гордость или Сяошу? Хотя, может, он и не захочет меня везти. Может, лучше не просить. А если мы живём далеко, как я к нему доберусь? Может, на велосипеде? Стоп, я же не умею ездить на велосипеде. Что делать...»

Мысли У Гана были полны хаоса, и вокруг него витала странная атмосфера, словно розовые пузыри, появляющиеся на фоне ада, и каждый из них был окрашен кровавым оттенком.

Чжоу Сяошу же не замечал этой атмосферы, ведь его собственные мысли были не менее странными. Если вокруг У Гана был ад с розовыми пузырями, то вокруг Чжоу Сяошу — рай, окутанный мрачными тучами. Его сомнения будто материализовались, превратившись в чёрный торнадо.

Для Гу Мэнмэн атмосфера между ними напоминала символ инь и ян — гармоничный, но неуместный. Она несколько раз пыталась вывести Чжоу Сяошу из этого странного состояния, но все её попытки проваливались. Что бы она ни говорила, он отвечал лишь кратко, что

заставляло её чувствовать себя неудачницей.

Дни шли медленно, и наконец прошли. После долгих обсуждений У Ган и Чжоу Сяошу решили встретиться у школьных ворот.

Весь процесс обсуждения сводился к тому, что У Ган настаивал на получении адреса Чжоу Сяошу, хотя сам говорил мало: «адрес», «нет», «хм» — и всё это с серьёзным выражением лица.

Однако это не сломило Чжоу Сяошу. Он повторял себе:

«Я сомневаюсь из-за У Гана, и если он действительно главарь, то мне нужно держаться от него подальше. Я точно не скажу ему свой адрес. Я и сам не знаю дороги, а если его район опасен, то мне будет ещё хуже. Так что я точно не пойду сам».

Следуя этому принципу, Чжоу Сяошу долго уговаривал У Гана, используя разные аргументы, и в конце концов тот согласился встретиться у школы.

Конечно, Чжоу Сяошу не заметил, что его логика была ошибочной. Если бы У Ган действительно был опасен, разве что-то не могло случиться по пути от школы к его дому? Зная, что У Ган страшен, он всё равно решил пойти к нему. То ли книги были слишком соблазнительны, то ли он уже был влюблён, сам того не осознавая.

Возможно, Чжоу Сяошу даже не думал, что У Ган может быть плохим. Он уже верил, что тот просто немного связан с сомнительными людьми. Вера не оставляла места для сомнений, но малейшее подозрение могло разрушить её хрупкую оболочку. Таков парадоксальный закон жизни.

Приехав на своём горном велосипеде, Чжоу Сяошу прибыл на полчаса раньше, но, к его удивлению, У Ган был уже там, сидя у школьных ворот и наблюдая за чем-то.

Чжоу Сяошу не знал, как У Ган добрался сюда. Подойдя к нему с велосипедом, он заметил, что тот смотрит на муравьёв, и спросил:

— Скоро дождь? Не чувствую влажности.

Услышав голос Чжоу Сяошу, У Ган быстро встал. Когда он поднялся, его короткие, слегка растрёпанные волосы коснулись носа Сяошу. По классическому сюжету, Чжоу Сяошу должен был почувствовать приятный аромат шампуня, словно он оказался в бескрайнем поле цветов, где звуки взмахов крыльев голубей смешивались с шумом волн Эгейского моря, а лёгкий аромат любви витал в воздухе, словно мелодия Моцарта.

Однако в реальности Чжоу Сяошу почувствовал, как у него зачесался нос, и он отвернулся, чтобы чихнуть.

<http://bllate.org/book/17717/1655872>